

A romantic scene set in a classic library. A man with dark hair and a beard, wearing a black shirt, is embracing a woman with long, wavy brown hair. She is wearing a dark green, sleeveless dress and is sitting on his lap. They are in a close embrace, nearly kissing. The background features a large wooden bookshelf filled with books, a desk with a globe, a typewriter, and a lamp. A fireplace is visible on the right side of the frame.

Ника Стоун

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЦЕНА ТВОЕЙ
покорности

Ника Стоун

Цена твоей покорности

«Автор»

2026

Стоун Н.

Цена твоей покорности / Н. Стоун — «Автор», 2026

Пятнадцать лет назад между нами всё было кончено. Я осталась в своём благополучном мире и стала идеальной, покорной женой, а он исчез. Сегодня мой нищий автомеханик вернулся. Теперь он — Марк Самойлов. Безжалостный, опасный магнат, перед властью которого замирает весь город. И когда мой муж ради выгодной сделки сам привозит меня к его ногам, Марк запускает свою жестокую игру. Он хочет разрушить мою сытую жизнь, отомстить за прошлое и сломать мою гордость. Но в этом раунде, где ненависть плавится от дикой, истосковавшейся страсти, мы оба обречены. Потому что под маской моего безразличия горит пожар, а его ледяной контроль рушится от первого же прикосновения.

© Стоун Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Призрак в хрустале	6
Глава 2. Анатомия онемения	11
Глава 3. Излом фарфора	13
Глава 4. Правило рычага	15
Глава 5. Точка невозврата	17
Глава 6. Право обладания	19
Глава 7. Точка излома	21
Глава 8. Излом гордости	23
Глава 9. Осколки	25
Глава 10. Цена компромисса	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ника Стоун

Цена твоей покорности

От автора

ВНИМАНИЕ! Только для читателей старше 18 лет!

Книга содержит сцены жестокости, эмоционального и физического насилия (включая неконсенсуальные действия со стороны отрицательного персонажа). Между главными героями присутствуют сложные, созависимые отношения, элементы психологического давления, грубая страсть и откровенные эротические сцены.

* Автор ни в коем случае не романтизирует насилие и абьюз в реальной жизни. Все описанные события являются художественным вымыслом.

* Если вы чувствительны к тяжелым психологическим темам, пожалуйста, читайте с осторожностью.

Глава 1. Призрак в хрустале

Наши жизни определяются мгновениями. Одно слово. Один шаг. Один выбор.

Мой выбор был сделан пятнадцать лет назад — жарким июльским вечером, когда я сказала «прости» единственному, кого любила.

Я думала, что похоронила тот день. Я ошибалась.

Анна

Зал дышал.

Огромный, залитый хрустальным светом, он вздымался и опадал в такт сотням разговоров. Люди — мужчины в безупречных смокингах, женщины в платьях, стоивших годовой бюджет небольшой компании, — текли между колоннами, как дорогое шампанское по стеклянной пирамиде.

Где-то играл струнный квартет. Где-то звенели бокалы. Где-то рождались и умирали сделки, которые завтра перетряхнут город.

Меня здесь не было.

То есть физически я, разумеется, присутствовала. Моя рука лежала на сгибе локтя Игоря — мужа, которого я не выбирала. Мои губы растягивались в улыбку — вежливую, отрепетированную, пустую. Моё платье цвета слоновой кости, расшитое серебряной нитью, сидело безупречно. Я была идеальным аксессуаром: дорогим, ухоженным и абсолютно безмолвным.

Но внутри, под этой фарфоровой оболочкой, не было ничего. Вот уже пятнадцать лет.

— Анна, ты меня слушаешь? — пальцы Игоря сжали мой локоть чуть сильнее, чем требовалось.

Не больно, но достаточно, чтобы напомнить: я здесь — его собственность. Его инвестиция, как он любил говорить в кругу партнёров по бизнесу, не подозревая, что я слышу.

— Да, конечно, — ответила я, хотя не слышала ни слова из того, что он говорил последние пять минут.

Скука на этих приёмах была особой, густой, почти осязаемой. Она затягивала, как болото. Я давно перестала бороться, просто позволяла ей нести меня от одного светского мероприятия к другому. От ужина к благотворительному аукциону. От аукциона к гала-вечеру. Лица менялись, имена забывались, а внутренняя пустота оставалась неизменной.

— Сегодня здесь особый гость, — голос Игоря приобрёл тот маслянистый оттенок, который всегда появлялся, когда речь заходила о деньгах и власти. — Человек, который за последние пять лет скупил полгорода и ни разу не появился на публике. Все хотят с ним познакомиться, но он... избирателен.

Я кивнула. Мне было всё равно. Мир бизнеса, в котором жил мой муж, существовал параллельно со мной, не пересекаясь. Игорь говорил о сделках и поглощениях, а я в это время мысленно перебирала книги, прочитанные за неделю, или вспоминала, не забыла ли полить цветы в оранжерее. Моя жизнь состояла из таких мелочей. Безопасных. Ничего не значащих.

— Говорят, он начинал с нуля. Абсолютный ноль. Грязная автомастерская где-то на окраине, представляешь? — Игорь хмыкнул. — А теперь у него состояние, сравнимое с бюджетом небольшой страны. И связи. Такие связи, что даже наши силовики предпочитают с ним дружить, а не ссориться.

В груди что-то слабо кольнуло. Автомастерская? Я отогнала воспоминание прежде, чем оно успело оформиться. Слишком много лет прошло. Мало ли автомастерских в этом городе.

— Как его зовут? — спросила я из вежливости.

— Самойлов. Марк Самойлов. Слыхала?

Кровь отхлынула от моего лица.

Игорь не заметил. Он уже высматривал кого-то в толпе, привстав на носки, как гончая, почуявшая добычу. Его рука соскользнула с моего локтя, и я осталась стоять одна посреди бального зала — внезапно оглушённая, ослепшая, задыхающаяся.

Марк. Мой Марк. Мой мальчик из автомастерской, пахнувший бензином и летним ветром. Мой мотоциклист, мой полуночник, моя первая — и единственная — любовь.

Нет. Этого не может быть.

Случайное совпадение. Мало ли в мире Самойловых? Мало ли парней, начинавших в автомастерских? Господи, это просто смешно. Я не видела его пятнадцать лет. Я не знаю, где он, кем стал, жив ли вообще. Вероятность, что тот самый Марк сейчас войдёт в эти двери — исчезающе мала.

Я заставила себя дышать ровно. Я заставила себя улыбнуться — вежливо, пусто, как всегда.

Но внутри, под толщей пятнадцатилетней пустоты, что-то дрогнуло. Как старая, давно забытая мелодия, которую случайно услышишь в чужом окне.

Игорь уже тянул меня куда-то сквозь толпу. Его пальцы снова сжали мой локоть. Его голос бубнил о важности момента, о необходимости произвести впечатление, о том, что от этой встречи зависит его будущее — а значит, и моё.

Я не слушала. Мои глаза шарили по залу, ловили каждое движение у главного входа. Сердце колотилось где-то в горле, гулко, набатом. Глупо. Нелепо. Мне не девятнадцать. Я не та девочка, которая сбегала по ночам к своему парню. Я взрослая женщина, замужняя дама, светская леди с безупречной репутацией. Я не должна...

И тут я его увидела.

Он стоял у колонны — впрочем, «стоял» было не совсем правильным словом. Он возвышался. Занимал пространство. Сам воздух вокруг него, казалось, уплотнялся, подчиняясь его присутствию.

Чёрный смокинг сидел на нём как вторая кожа — не как напрокат взятый костюм, а как униформа хищника, привыкшего к роскоши. Широкие плечи расправлены. Властный разворот головы. В пальцах — бокал с виски, янтарная жидкость неподвижна, он её даже не пробовал.

Но лицо...

Я смотрела на него и не узнавала. И узнавала одновременно.

Тот мальчик, которого я помнила, был солнечным. У него были вечно растрёпанные тёмные волосы, падавшие на смеющиеся серые глаза. Ямочка на левой щеке, когда он улыбался. Тёплые руки, пахнущие машинным маслом. Он был лёгким, быстрым, живым.

Этот мужчина был вырезан из камня. Острые скулы, тяжёлый подбородок, жёсткая линия губ, которые когда-то были такими мягкими. Волосы — всё ещё тёмные, но теперь в них пробивалась серебряная седина на висках, и они были коротко подстрижены, по-деловому. Ни следа той мальчишеской растрёпанности.

И глаза. Господи, его глаза. Серые, как грозовое небо, они скользили по залу с выражением холодного, ленивого превосходства. Так смотрит лев на стадо антилоп, зная, что может выбрать любую — и никто ему не помешает. В них не было ни тепла, ни любопытства, ни интереса. Только власть. Только лёд.

Это был не мой Марк. Мой Марк умер. Остался в прошлом, в той автомастерской, где мы целовались украдкой. А этот человек... я не знала, кто он.

Но моё сердце, предатель, узнало его раньше, чем разум успел осознать. Оно рванулось в груди с такой силой, что перехватило дыхание. Пятнадцать лет. Пятнадцать лет пустоты, забвения, мёртвого сна — и вот, одно мгновение, и всё внутри ожило.

Это было больно. Так больно, что я чуть не вскрикнула.

— Аня, ты слышишь? — голос Игоря прорвался сквозь вату, заложившую уши. — Вон он, у восточной колонны. Самойлов. Мы должны подойти. Связи с ним — это пропуск в высшую лигу, понимаешь?

— Нет, — выдохнула я. — Игорь, пожалуйста, я не могу...

— Что за глупости? — он раздражённо дёрнул плечом, даже не взглянув на меня. — Ты моя жена, Анна. Твоя задача — выглядеть красиво и улыбаться. Остальное я беру на себя.

Он потащил меня сквозь толпу, не слушая возражений, не замечая моего побелевшего лица и дрожащих пальцев. А я шла — потому что не могла не идти. Потому что за пятнадцать лет привыкла подчиняться. Потому что сопротивление требовало сил, которых у меня давно не было.

И ещё — потому что какая-то часть меня, та самая, девятнадцатилетняя, которая никогда не умирала до конца, отчаянно хотела подойти ближе. Хотела увидеть его глаза вблизи. Хотела проверить: осталось ли там хоть что-то от того парня, которого я любила.

Мы приближались. Двадцать шагов. Пятнадцать. Десять.

Марк в этот момент закончил разговор с каким-то седым мужчиной — тот почтительно кивнул и растворился в толпе — и обернулся.

Наши взгляды встретились.

Мир замер.

Звуки бала — смех, музыка, звон бокалов — отъехали куда-то на периферию, стали неразборчивым, приглушённым гулом. Остались только его глаза. Серые, холодные, чужие. И мои — в которых, я знала, сейчас плескалось всё, что я хоронила полтора десятилетия.

На долю секунды в его взгляде что-то мелькнуло. Узнавание. Шок. Тень прежней боли, которую не смогли стереть ни годы, ни деньги, ни ненависть. Я видела, как его пальцы чуть крепче сжали бокал.

Но это длилось лишь мгновение.

Потом его лицо превратилось в маску светской скуки. Губы изогнулись в улыбке — холодной, оценивающей, неприятной. Он смотрел на меня так, как смотрят на неожиданно встреченного врага: с предвкушением.

— Марк Борисович! — Игорь буквально лучился подобострастием, протягивая руку. — Какая честь для нас. Позвольте представиться: Игорь Соболев, генеральный директор «Пром-Инвест». И моя супруга, Анна...

Марк не пожал протянутую руку. Он даже не взглянул на моего мужа. Его глаза были прикованы к моему лицу — как лезвие ножа, медленно входящее в рану.

Медленно, невыносимо медленно, он протянул руку и взял мою ладонь.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих. Крепко. Жёстко. Это не было рукопожатием. Это был захват. Проверка. Помнишь ли ты меня? Чувствуешь ли?

Я помнила.

Его прикосновение было точно таким же, как пятнадцать лет назад, — горячим, грубоватым, от него по коже бежали мурашки, а в животе разливалось предательское тепло. Только теперь это тепло было отравлено всем, что случилось потом.

— Так-так-так, — протянул он.

Голос стал ниже, гуще. В нём появилась ленивая, опасная хрипотца — такая бывает у людей, которые слишком много курят или слишком много приказывают.

— Анна. В девичестве, кажется, Романова? Наследница империи. Дочь уважаемого человека.

Последние два слова он произнёс с особым, ядовитым смаком. Уважаемый человек. Мой отец. Человек, который угрожал уничтожить Марка, если я не брошу его. Человек, перед которым я сломалась.

— Вы знакомы? — выдохнул Игорь, и в его голосе послышались первые нотки тревоги.

— О, мы были очень близко знакомы, — Марк всё ещё держал мою руку.

Его большой палец медленно, почти невесомо провёл по моему запястью — собственнический, интимный жест, от которого у меня перехватило дыхание.

— Когда-то. В другой жизни, когда я ещё был никем, а ваша жена была... — он сделал паузу, наслаждаясь моментом, и его губы растянулись в усмешке. — ...принцессой, которая не брезговала пускать в свою постель окрестных щенков. Знаете, есть такой тип девушек. Вроде бы из хорошей семьи, с воспитанием, с манерами, а на деле — обыкновенная шлюха. Просто дорогая.

Слова ударили, как пощёчина. При всех. При муже. При людях, которые стояли в трёх шагах и делали вид, что не подслушивают, но, конечно, подслушивали — я видела, как дёрнулась голова какой-то дамы в рубиновом колье.

Игорь побелел.

А я... я просто смотрела на Марка.

Пятнадцать лет я представляла эту встречу. Пятнадцать лет я репетировала, что скажу. Пятнадцать лет я готовилась к его гневу, к его презрению, к его ненависти. Я заслужила это, говорила я себе. Я действительно предала его. То, что это было ради его спасения, не меняло факта: я выбрала способ, который уничтожил его веру в любовь и в людей.

Но одно дело — знать это. И совсем другое — слышать такие слова из его уст. Видеть этот ледяной, уничтожающий взгляд. Чувствовать, как его пальцы всё ещё держат мою ладонь, и понимать: тот мальчик умер. Я убила его.

Я не стала оправдываться, плакать или отводить взгляд. Просто смотрела на него — прямо, спокойно, — и внутри у меня всё рушилось.

— Ты... — начал Игорь, но Марк перебил его, не удостоив взглядом.

Вместо этого он медленно поднёс мою руку к губам. Его дыхание обожгло кожу. Он не поцеловал запястье — лишь коснулся губами, едва-едва, продолжая смотреть мне в глаза исподлобья.

В этом жесте было всё: напоминание о прошлом, угроза на будущее, интимность, которой он захватил меня одну на глазах у всего зала.

— Но знаете что, Игорь? — он наконец выпустил мою ладонь, и я бессильно уронила руку вдоль тела. — Я не держу зла. Такие, как ваша жена, — он бросил на меня ещё один короткий, презрительный взгляд, — они полезны. Они учат мужчину тому, чему не научат ни книги, ни университеты. Они учат, что в жизни нельзя полагаться ни на кого, кроме себя.

Он повернулся к Игорю, и его лицо озарилось улыбкой — обаятельной, почти дружеской, но глаза остались ледяными. Абсолютно ледяными.

— Знаете, чему я научился за эти годы? Я научился покупать. Всё и всех. А то, что не продаётся... — он сделал крошечную паузу, — ...я научился ломать.

Он хлопнул Игоря по плечу — покровительственно, как хозяин треплет по холке породистого пса. Игорь вздрогнул.

— Рад был повидаться, Аня, — Марк снова повернулся ко мне, и его улыбка стала шире, страшнее. — Искренне рад. Я часто вспоминал тебя все эти годы. Особенно в трудные времена. Ты была... вдохновляющим примером.

Примером чего — он не уточнил. Да и не нужно было.

Он коротко, небрежно кивнул и ушёл обратно в толпу, которая расступалась перед ним, как море перед Моисеем. Чёрный смокинг поглотили золото и хрусталь.

Я осталась стоять.

Рука горела в том месте, где он её держал. Губы всё ещё помнили его дыхание. В ушах звенело: «шлюха», «покупать», «ломать».

Игорь что-то шипел мне на ухо — кажется, требовал объяснений, грозил, негодовал. Я не слышала. Не могла слышать. Перед моими глазами стояло его лицо. Не то, которое было

минуту назад — ледяная маска хищника, — а то, прежнее. Лицо мальчика, который когда-то целовал меня под летним дождём и обещал, что мы всегда будем вместе.

Я спасла его от тюрьмы, от пожизненного срока, который сфабриковал бы мой отец, используя свои связи. Я заплатила за это собой. Своей жизнью и своим счастьем. Я думала, что, получив свободу, он сможет построить что-то хорошее, настоящее и светлое.

Но вместо этого он построил империю из льда и стали. Он стал жестоким, циничным и опасным. Тем, кого боится весь город. Тем, кто «покупает всё и всех» и «ломает то, что не продаётся».

Он стал монстром.

И виновата в этом была я, потому что это моё предательство сделало его таким. Я хотела спасти его — и уничтожила.

Струнный квартет играл что-то нежное, лиричное. Гости смеялись, звенели бокалами, обсуждали погоду и политику. А я стояла посреди этого сияющего зала, оглушённая и раздавленная, и думала только об одном.

Он здесь...

И судя по тому, как он на меня смотрел — он ещё не закончил.

Глава 2. Анатомия онемения

Марк

Дорога назад всегда казалась мне самой спокойной частью дня, но сегодня тяжелый седан словно пробирался сквозь густой, удушливый туман, скопившийся на улицах засыпающего города.

За тонированным стеклом лениво плыли огни витрин и высоток — мегаполиса, который я за последние пятнадцать лет научился подчинять своей воле безжалостно, шаг за шагом, никогда не прося о пощаде.

Я сидел на заднем сиденье, глубоко откинув голову на мягкий кожаный подголовник, и размеренно дышал, пытаюсь вернуть то привычное, спасительное онемение, которое выстраивал годами как надежную броню.

Но в салоне автомобиля, вопреки дорогому запаху новой кожи и дерева, все еще отчетливо ощущались едва уловимые, горьковатые ноты жасмина. Чертов парфюм, который, казалось, намертво въелся в мои пальцы в тот момент, когда я слишком сильно сжал ее тонкую, совершенно ледяную ладонь.

Я не планировал эту встречу и уж точно не вынашивал планов красивого, кинематографичного возмездия. Месть вообще казалась мне занятием глупым и мелочным, достойным лишь слабых мальчиков, у которых слишком много свободного времени и слишком мало реальных забот.

Тот двадцатилетний дурак, работавший в полутемной автомастерской на окраине и веривший в общие планы на будущее, сдох слишком давно. Я сам похоронил его в сыром и холодном провинциальном изоляторе, куда угодил сразу после нашего расставания, ввязавшись в слепую, яростную драку на заправке.

Тогда мне было абсолютно плевать, выживу я или нет, и именно этот фатализм, полное безразличие к собственной судьбе помогли мне выстоять в жесткие, полукриминальные годы передела автомобильного рынка.

Там, где другие просчитывали риски, осторожничали и отступали, я шел напролом, потому что терять или ломать внутри меня было уже попросту нечего.

Опасные кредиты, серые схемы логистики, жесткие столкновения с конкурентами — год за годом я выгрызал свое право стоять на вершине, пока грязный автосервис не растворился в прошлом, уступив место моей промышленной империи.

Я добился всего, чего можно было пожелать, но сегодня один-единственный случайный взгляд перечеркнул это сытое, многолетнее торжество.

Когда ко мне посреди зала подошел этот Соболев — суетливый, со вспотевшими от волнения ладонями и фальшивой заискивающей улыбкой, — я привычно приготовился выслушать очередное скучное предложение о слиянии или партнерстве.

Такие люди крутились вокруг меня постоянно, надеясь урвать крохи с барского стола и погреться в лучах чужого влияния. Но затем Соболев слегка отступил в сторону, представляя свою супругу, и мой привычный, контролируемый мир с глухим треском раскололся надвое.

Анна...

Она стояла, покорно опустив ресницы, пугающе бледная, хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, которую по недоразумению притащили на этот ярмарочный аукцион тщеславия.

На секунду в ее широко раскрытых глазах мелькнуло что-то настолько живое и отчаянное, что я едва не выказал своего замешательства. Но я успел справиться с собой, намертво вцепившись в маску ленивого светского превосходства.

Древняя, уязвленная часть моей натуры требовала закричать, потребовать объяснений за те жестокие, высокомерные слова, которыми она растоптала меня пятнадцать лет назад, назвав пустым местом. Вместо этого я заговорил тихо, размеренно, выплевывая яд прямо в ее красивое лицо и методично унижая ее перед подслушивающим бомондом.

Больше всего меня взбесило даже не то, что она когда-то нашла себе другого мужчину. Меня до глубины души поразило, как безропотно и трусливо Соболев проглотил чудовищное оскорбление в адрес своей спутницы.

Ради призрачной надежды получить мою подпись на контракте этот человек был готов продать остатки собственной гордости. Он лишь сильнее побледнел, но не сделал ни единого движения, чтобы защитить жену. И Анна тоже молчала, принимая удары с каким-то мертвенным, отрешенным достоинством. Она действительно превратилась в покорный, безвольный аксессуар, за который заплатили хорошую цену.

Машина плавно затормозила у моего жилого комплекса. Я вышел из салона, стремительным шагом направляясь к лифту. Поднимаясь на верхний уровень своего пентхауса, я впервые за долгие годы признался себе в том, что моя безупречная жизнь была неполной.

Мне не нужна была банальная интрижка в постели, чтобы потешить самолюбие. Я хотел разрушить ту иллюзию безопасности и комфорта, в которой она пряталась от старых грехов.

Если Анна выбрала мир, где все покупается и продается, я заставлю ее сыграть по этим правилам до самого конца. Это не будет физической расправой — это станет медленной, изысканной психологической пыткой, которая заставит ее сбросить эту маску безразличия.

Я хотел снова увидеть в ее глазах живые эмоции: страх, отчаяние, злость — все то, что доказывало бы, что она все еще способна чувствовать.

Я вошел в просторную, залитую лунным светом гостиную и, не зажигая ламп, подошел к панорамному окну. Город лежал у моих ног, послушный и тихий. Достав из кармана телефон, я набрал номер своего начальника службы безопасности, и мой голос прозвучал в тишине комнаты как щелчок взводимого курка:

— Назаров, подними мне всю информацию по Игорю Соболеву и его конторе «Пром-Инвест». Мне нужны все его долги, просроченные кредиты, серые схемы и уязвимые места. Все, за что его можно прижать к стене. Сделай так, чтобы к утру у меня на столе лежал полный отчет. И подготовь договор на аудит их активов. Мы устроим им проверку, от которой этот слизняк не сможет отказаться.

Положив трубку на стеклянный столик, я налил в тяжелый стакан немного виски, но так и не сделал ни одного глотка. Ловушка была готова захлопнуться, и теперь оставалось лишь дожидаться, когда Соболев сам принесет мне ключи от ее личного ада.

Глава 3. Излом фарфора

Анна

Дверь представительского автомобиля захлопнулась с тяжелым, глухим стуком, мгновенно отрезав нас от сияющего фасада отеля, шума уезжающих лимузинов и приглушенных звуков разъезжающегося бала.

В салоне воцарилась душная, звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим рокотом мощного мотора. Игорь не заговаривал со мной, пока мы не выехали на полупустую ночную трассу. Его профиль, подсвеченный зеленоватым огнем приборной панели, казался резким, застывшим, словно высеченным из дешевого, серого гранита.

Я сидела у самого окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как мимо проносятся размытые огни фонарей.

Рука под тонкой тканью платья все еще горела — там, где Марк коснулся ее своими горячими, жесткими пальцами. Внутри меня все дрожало, но внешне я оставалась неподвижной куклой. Пятнадцать лет тренировок не прошли даром.

— Что это, черт возьми, сейчас было, Анна? — голос Игоря прозвучал негромко, но в нем отчетливо послышался тот самый опасный, вибрирующий тон, который всегда предшествовал его вспышкам гнева.

Я не пошевелилась. Не повернула головы.

— О чем ты? — тихо спросила, стараясь, чтобы голос звучал максимально ровно, без единой лишней интонации.

— Не притворяйся душой! — Игорь резко крутанул руль, перестраиваясь в левый ряд, и краем глаза я увидела, как побелели его костяшки на кожаной оплетке. — Самойлов. Ты слышала, что он нес? На глазах у половины торгово-промышленной палаты! Он назвал мою жену... шлюхой. Обыкновенной дорогой шлюхой. И ты стояла там, как вкопанная, хлопала ресницами и даже не попыталась его заткнуть!

— А что я должна была сделать, Игорь? — я наконец повернулась к нему, глядя на его раздувающиеся ноздри. — Устроить скандал? Потребовать дуэли? Ты сам притащил меня к нему как выставочную лошадь, требуя, чтобы я улыбалась и молчала. Я выполняла твою инструкцию. С точностью до буквы.

Игорь резко затормозил на светофоре, и ремень безопасности больно врезался мне в плечо. Он повернулся ко мне всем телом, его тяжелая, крупная ладонь с силой опустилась на спинку моего сиденья, опасно близко к моей голове.

От него пахло дорогим коньяком, сигарами и тем самым животным, примитивным раздражением, которое всегда появлялось, когда его уязвленное эго не находило выхода.

В Игоре никогда не было аристократизма моего покойного отца; он поднялся в девяностые из простых региональных перекупщиков, и эта глубинная, грубая мужицкая суть проступала сквозь его итальянские смокинги каждый раз, когда ситуация выходила из-под контроля.

— Ты думаешь, я идиот? — процедил он, приблизив свое лицо к моему так близко, что я почувствовала его горячее дыхание. — «Мы были очень близко знакомы в другой жизни». Его слова? Твой бывший трахаль, Ань? Тот самый, из-за которого твой старик пятнадцать лет назад чуть инфаркт не схватил и заставил меня спешно подписать брачный контракт?

Мое сердце сделало тяжелый, болезненный кувырок, но я заставила себя выдержать его тяжелый, налитый кровью взгляд.

— Это было очень давно, Игорь. До того, как я узнала о твоем существовании. И это не имеет никакого отношения к твоим нынешним делам.

— Имеет! — он сорвался на глухой, сдавленный крик, снова дергая машину вперед, когда загорелся зеленый. — Этот ублюдок контролирует сейчас все поставки сырья для моего нового терминала! Он заблокировал контракт, Анна! Один его жест — и «Пром-Инвест» пойдет с молотка. Я выгрызал этот бизнес зубами, пока твой отец пил виски в своем кабинете, и я не позволю какому-то выскочке из автосервиса пустить все прахом из-за того, что ты когда-то неразборчиво раздвигала ноги!

Слова ударили по лицу, как физическая пощечина, но я даже не зажмурилась. Между нами никогда не было любви. Наш брак был чистой, сухой сделкой, заключенной под чутким руководством моего отца: Игорю нужны были связи и стартовый капитал романовской империи, отцу — жесткий, исполнительный человек, готовый взять управление на себя и пристроить «опозоренную» дочь.

За пятнадцать лет мы научились сосуществовать, как два партнера по неудавшемуся проекту, соблюдая видимый этикет на людях и сохраняя ледяную дистанцию дома.

Игорь не был садистом, он не бил меня, но его грубость, его пренебрежение к моим чувствам были обыденной, серой частью моей жизни. Я привыкла к этому, как привыкают к постоянной, тупой боли в суставах.

— Если ты хочешь спасти свой бизнес, тебе стоит говорить с ним, а не со мной, — холодно ответила, отворачиваясь обратно к окну. — Я не имею на Марка никакого влияния. Ты же сам слышал — он меня презирает.

— Ты поедешь со мной на переговоры, если я скажу, — его голос снова стал тихим, злобным и плотным, как мазут. — Самойлов не просто так устроил этот цирк. Он хочет поиграть. Ему нужно уязвить меня через тебя. И если ценой моего терминала будет то, что ты посидишь рядом на ужине и поглотаешь его дерьмо, ты будешь сидеть там с самой очаровательной улыбкой. Ты поняла меня?

Я ничего не ответила. Автомобиль плавно свернул в ворота нашего загородного особняка. Мир вокруг снова становился безопасным, хрустальным и совершенно мертвым.

Я знала, что Игорь прав. Настоящая игра Марка только начиналась, и в этой игре мне была отведена роль безгласной жертвы, которую собственник добровольно принесет на алтарь своего благополучия.

Глава 4. Правило рычага

Марк

Отчёт Назарова лёг на мой стол ровно в шесть утра. Плотная кожаная папка, в которой уместилась вся ничтожная, насквозь гнилая изнанка благополучия Игоря Соболева.

Я не стал зажигать верхний свет. В утренних серых сумерках, едва пробивавшихся сквозь панорамные окна кабинета, страницы отчёта казались блёклыми, но цифры и факты говорили сами за себя.

Промышленная империя покойного Романова, которую Соболев так яростно пытался выдать за свою собственную, трещала по швам.

Я медленно перелистывал листы, чувствуя, как на губах застывает жесткая, ледяная усмешка.

Классическая история провинциального рвача, который дорвался до больших денег, но так и не приобрёл ума. Чтобы удержаться на плаву и соответствовать статусу зятя «уважаемого человека», Соболев набрал неподъемных кредитов под залог ключевых активов. Но финальной точкой его глупости стал новый логистический терминал. Он влил туда всё, что имел, не просчитав риски, и теперь этот объект полностью зависел от поставок стального проката, которые контролировали мои структуры.

Один мой звонок, одна задержка отгрузки на таможне — и весь его хрустальный замок сложится за неделю, погребая Соболева под миллионными исками и банкротством.

— Значит, прыгнул выше головы, слизняк, — негромко произнес я в пустоту кабинета.

Я откинулся на спинку кресла, глядя на ровные строчки текста. Тот мальчишка, который жил во мне пятнадцать лет назад, требовал немедленно нажать на рычаги. Раздавить его. Обрушить акции «Пром-Инвеста», перекрыть кислород и пустить Соболева по миру без гроша в кармане.

Но я-бизнесмен понимал: быстрая расправа — это слишком дешёвое удовольствие. Уничтожить его бизнес — секундное дело. Заставить его страдать медленно, наблюдая, как рушится его иллюзия контроля, и видеть, как он сам, своими руками, приносит мне всё, что мне нужно, — вот настоящая плата за мой личный ад. За те ночи, когда я заново учился дышать через сломанные ребра и выжигал в себе любые намеки на человеческую жалость.

Я не собирался звонить ему сам. Настоящий хищник никогда не выдает своего присутствия раньше времени, позволяя жертве самой загнать себя в угол.

Ближе к полудню я отдал короткое распоряжение юридическому департаменту: приостановить подписание всех текущих спецификаций и договоров с «Пром-Инвестом» для «дополнительного аудита рисков».

Это был мягкий, почти незаметный щелчок по носу, но для Соболева, чьи счета трещали от обязательств перед банками, этот щелчок должен был прозвучать как взрыв противопехотной мины под ногами.

Результат превзошел мои ожидания. Уже через два часа личный секретарь осторожно постучала в дверь кабинета.

— Марк Борисович, там... господин Соболев из «Пром-Инвеста». Звонит уже четвертый раз. Очень настойчиво просит связать его с вами. Говорит, возникло какое-то чудовищное недоразумение с логистикой.

Я даже не поднял глаз от документов.

— Пусть повисит на линии. Скажи, что я на селекторном совещании с министерством.

Я выдержал паузу. Нарочно. Заставил его повариться в собственном соку, сойти со ума от страха и неопределенности еще около двух часов.

Я буквально физически ощущал, как он там, на другом конце города, измеряет шагами свой кабинет, потеет в дорогом костюме и срывается на подчиненных. И, конечно же, на Анне.

Мысль о том, что он сейчас отыгрывается на ней за свой страх, полоснула по нервам, но я заставил себя остаться холодным. Это часть игры. Она должна была понять, какую цену имеет ее фарфоровое благополучие.

Только когда солнце начало клониться к закату, окрашивая стены кабинета в багровые, тревожные тона, я поднял трубку внутренней связи.

— Назначь Соболеву встречу на завтра, на семь вечера, но не в офисе. Пусть везет свои бумаги в мой загородный клуб. И передай ему лично одну маленькую деталь. Скажи, что вопросы такого масштаба я предпочитаю обсуждать в закрытой, неформальной обстановке, и буду рад видеть его вместе с супругой. Без Анны Николаевны разговор не состоится. Поняла меня?

— Да, Марк Борисович. Всё сделаю.

Я положил трубку на полированный стол и подошел к окну. В груди ворочалось странное, тяжелое предвкушение, от которого по телу разливался опасный жар.

Ловушка была взведена. Я знал, что Соболев приползет. Приползет, даже если ему придется связать свою жену и притащить ее ко мне насильно, потому что свой статус и свои миллионы этот мужик ценил гораздо выше, чем гордость женщины.

Я закрыл глаза, и перед мысленным взором снова вспыхнуло её лицо. Не то мертвенно-бледное, фарфоровое, со светского раута, а прежнее.

Июльский вечер, проливной теплый дождь, легкое платье липнет к ее телу, а она смеется, убирая мокрые пряди с лица, и клянется, что построит со мной дом прямо здесь, среди старых шин и запаха бензина.

А потом тот же голос, но ледяной, высокомерный, выплевывающий слова о моем ничтожестве и о том, что я был для нее лишь глупой забавой.

— Ты сама выбрала этот мир, Анечка, — тихо произнес я, открывая глаза, в которых снова застыл серый, безжалостный лед. — Мир, где у всего есть цена. Завтра я покажу тебе, сколько стоит твоя покорность.

Глава 5. Точка невозврата

Анна

Загородный клуб Марка напоминал закрытую крепость для тех, кто привык решать судьбу миллионов вдали от посторонних глаз. Вековые сосны, укутанные вечерними сумерками, обступали подъездную аллею, словно глухая, безмолвная стража.

Когда наш автомобиль затормозил у массивного крыльца из темного гранита, у меня внутри все окончательно заledenело.

Я смотрела на панорамные окна двухэтажного особняка, за которыми тускло горел теплый, приглушенный свет, и понимала: это не просто деловой ужин. Это капкан. И мой муж ведет меня туда своими руками.

Игорь всю дорогу молчал, нервно барабанил пальцами по рулю, но перед самым выходом обернулся ко мне. Его взгляд, подсвеченный салонным фонарем, был тяжелым, злым и отчаянным.

— Напоминаю, Анна, — процедил он, перехватывая мое запястье, и его пальцы сжались слишком сильно, оставляя на коже невидимые клейма его страха. — От того, как пройдут эти два часа, зависит всё. Если он захочет поиграть в кошки-мышки — подыгрывай. Нам нужна его подпись. Любой ценой. Ты меня поняла?

Я не стала вырывать руку. Просто посмотрела на него — прямо, опустошенно — и молча кивнула. Внутри меня не осталось места для злости на мужа. Была только глухая, расползающаяся по венам паника перед встречей с человеком, который когда-то владел моей душой, а теперь вернулся, чтобы забрать долги.

Администратор в безупречном черном костюме встретил нас у дверей и молча повел на второй этаж, в закрытый VIP-кабинет.

Каждый шаг давался мне с трудом, туфли на высокой шпильке казались чугунными. Подол моего темно-изумрудного шелкового платья, мягко скользивший по ногам при каждом движении, казался сейчас слишком откровенным, хотя вырез был целомудренно закрыт.

Это платье я выбрала сама, подсознательно пытаюсь закрыться от Марка, спрятать свое тело под тяжелой, дорогой тканью. Но стоило дверям кабинета открыться, как вся моя броня рассыпалась в прах.

Марк сидел в глубоком кожаном кресле у камина. В темноте комнаты горели только дрова и пара настенных бра, отчего его огромный силуэт казался еще более пугающим, окруженным пляшущими тенями. В руке он держал неизменный стакан с янтарной жидкостью. На нем не было смокинга — простая черная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами и закатанными до локтей рукавами.

Этот неформальный, хищный образ бил по моим нервам гораздо сильнее, чем его вчерашний лоск. Под темной тканью угадывались рельефные плечи, а сильные предплечья, покрытые едва заметными шрамами, заставили мое горло мгновенно пересохнуть.

— Проходите, — его голос, низкий, с хрипылыми бархатными нотками, провибрировал в пространстве комнаты, заставив волоски на моих руках встать дыбом. — Я не люблю долгих прелюдий в делах, Игорь. Садитесь.

Муж поспешно шагнул вперед, расплываясь в заискивающей улыбке, и увлек меня за собой к длинному столу из мореного дуба.

Я опустилась на стул, стараясь не смотреть на Марка, но его взгляд... я физически ощущала его на себе. Он не смотрел на документы, которые Игорь суетливо вытаскивал из папки. Его серые, грозные глаза медленно, с убийственной неторопливостью сканировали меня.

Этот взгляд скользил по моим ключицам, спускался к затянутой в шелк талии и поднимался обратно к губам.

Это было так интимно, так раздевающе, что по моей коже пробежала яростная, предательская дрожь. Внизу живота, вопреки всему моему страху и здравому смыслу, болезненно потянуло.

Мое тело, помнившее каждое его прикосновение пятнадцать лет назад, отзывалось на его присутствие вопреки моей воле. Это было унижительно. Я ненавидела себя за эту слабость, за то, что от одного его запаха — смеси дорогого табака, дерева и чистого мужского тепла — у меня кружилась голова.

— Марк Борисович, вот спецификации по терминалу, — Игорь пододвинул к нему бумаги, заглядывая в лицо магната. — Наши юристы проверили всё, задержек с нашей стороны быть не может...

— Соболев, — Марк перебил его лениво, даже не взглянув на контракт.

Он медленно поднялся с кресла, и его высокая, мощная фигура мгновенно подчинила себе всю комнату. Он подошел к столу, остановившись прямо за моей спиной.

Я замерла, боясь сделать вдох. Воздух вокруг меня уплотнился, наполнился его жаром. Я чувствовала, как его дыхание едва заметно колыхает волосы у меня на затылке. Мое сердце колотилось в груди так гулко, что, казалось, этот стук слышен всем присутствующим.

Марк медленно опустил ладони на спинку моего стула по обе стороны от моих плеч, фактически зажимая меня в ловушку. Жесткие, крупные пальцы, находились в каких-то сантиметрах от моей обнаженной шеи.

— Вы слишком торопитесь, Игорь, — тихо произнес Марк, и от вибрации его голоса у меня внутри все сжалось в тугую, горячую петлю. — Бизнес — это не просто цифры на бумаге. Это вопрос доверия, а ваша компания... вызывает у меня слишком много сомнений. Как и люди, которые ею управляют.

Он наклонился чуть ниже. Я почувствовала, как его грудь почти коснулась моей спины через тонкий шелк. Каждое мое нервное окончание буквально кричало от этого запретного, опасного притяжения.

В его глазах, когда я наконец осмелилась поднять голову и встретиться с ним взглядом, плескалась не просто холодная злость. Там горело темное, голодное обещание.

Обещание сломать меня до основания. И самое страшное было в том, что какая-то часть моей иссушенной, мертвой души отчаянно этого хотела.

Глава 6. Право обладания

Марк

— Соболев, выйди.

Мой голос прозвучал в полумраке кабинета слишком тихо, но в нём было достаточно свинцовой тяжести, чтобы Игорь замер на полуслове, так и не донеся руку до очередной пачки финансовых графиков. Он захлопал глазами, переводя растерянный, жалкий взгляд с меня на свою жену.

Анна не пошевелилась. Она продолжала сидеть, выпрямив спину, словно в позвоночник ей вставили стальной штырь, но я видел, как бешено забилась тонкая жилка на её шее.

Её изумрудное шелковое платье, так глухо закрывающее ключицы, сейчас казалось мне личным вызовом. Мне хотелось запустить пальцы в этот безупречный гладкий шелк и рвануть его вниз, чтобы содрать с неё эту маску дорогого, недоступного фарфора. Чтобы проверить, осталась ли под ней та горячая, податливая плоть, которую я помнил каждую чертову ночь последние пятнадцать лет.

— Марк Борисович... — заикнулся Соболев, его голос дал петуха от накатившего страха. — Но мы ведь еще не обсудили дополнительные условия по кредитной линии...

— Твоя кредитная линия закрыта, Игорь, — я медленно убрал руки со спинки стула Анны и обошел стол, садясь напротив них.

Откинулся на спину, лениво разглядывая его вспотевшее лицо.

— Точнее, она будет закрыта через десять минут, если ты сейчас же не оставишь нас наедине. Мне нужно обсудить некоторые... специфические юридические нюансы романовского наследства с Анной Николаевной. Как с прямой наследницей. Без посредников. Жди внизу, в баре.

Соболев побелел так, что стал похож на стену. Он всё понял. Этот приспособленец, выросший на серых схемах, моментально считал подтекст.

На долю секунды в его глазах мелькнул остаток мужского достоинства, но страх перед мгновенным, сокрушительным банкротством оказался сильнее. Он бросил короткий, почти умоляющий взгляд на жену — немой призыв спасти его шкуру, — поспешно сгреб свои бумаги в папку и, не прощаясь, буквально выбежал из кабинета. Тяжелая дубовая дверь закрылась с глухим, окончательным щелчком.

Мы остались одни.

Тишина в комнате стала осязаемой, густой, пропитанной треском дров в камине и ароматом её жасминовых духов, который сейчас, без присутствия посторонних, казался удушающим. Я поднялся, не торопясь налил себе еще виски и повернулся к ней.

Анна сидела всё в той же позе. Но стоило мне сделать первый шаг в её сторону, как её идеальная осанка дрогнула. Она шумно, судорожно втянула воздух сквозь плотно сжатые зубы.

— Ну вот мы и без свидетелей, Анечка, — я подошел вплотную, останавливаясь так близко, что носки моих туфель коснулись подола её платья.

Я поставил стакан на стол и наклонился, перехватывая пальцами её подбородок. Моя ладонь, огрубевшая от жесткого труда и тренировок, контрастировала с её шелковистой, невероятно нежной кожей. Я сжал её челюсть чуть сильнее, чем требовали приличия, заставляя закинуть голову и посмотреть мне прямо в глаза.

Её губы приоткрылись, дыхание стало частым, прерывистым. В этих огромных темных глазах плескался чистый, первобытный страх, но под ним... под ним я разглядел то, что заставляло мою кровь мгновенно превратиться в жидкий огонь.

Там было голодное, темное влечение. Наше общее проклятие, которое не смогли выжечь ни годы, ни её предательство.

Её тело предавало её прямо сейчас: я видел, как побледнели её щеки, как соски отчетливо проступили сквозь тонкую ткань изумрудного шелка, отзываясь на мою близость.

— Всё такая же гордая, — тихо, почти шепотом произнес я, проводя большим пальцем по её нижней губе, заставляя её слегка деформироваться. — Сидишь здесь, как королева на троне. А твой муж только что продал тебя мне за подпись на контракте. Ты ведь понимаешь это? Он оставил тебя здесь, зная, что я могу сделать с тобой всё, что захочу.

— Марк... пожалуйста... — её голос сорвался на хриплый, едва слышный выдох.

Это имя, произнесенное её губами впервые за пятнадцать лет, ударило меня под дых, выбивая остатки хваленного самоконтроля.

— Что «пожалуйста»? — я наклонился еще ниже, так что мои губы почти касались её уха, ловя её горячее, паническое дыхание. — Пожалуйста, не напоминать тебе, кем ты стала? Или пожалуйста, не трогать тебя? Но ты ведь сама пришла в мой капкан, принцесса. Твой покойный папочка больше не спрячет тебя за своими силовиками. Твой муж — ничтожество. Ты осталась один на один со своим прошлым. Со мной.

Я медленно опустил ладонь от подбородка ниже, к её шее, чувствуя, как под моими пальцами бешено, на пределе стучит её пульс.

Моя рука скользнула по закрытому вороту платья, сминая шелк, и остановилась прямо над её сердцем. Она вздрогнула, из её груди вырвался тихий, прерывистый стон, который она попыталась задушить, прикусив губу.

— Ты ненавидишь меня, — выдохнула она, закрывая глаза, но не пытаясь оттолкнуть мою руку.

— Ненавижу, — согласился я, чувствуя, как внутри меня окончательно срывает все тормоза от этой невыносимой, болезненной близости. — Я ненавижу тебя так сильно, что готов сжечь этот город дотла, лишь бы выжечь тебя из своей памяти. Но сначала ты заплатишь мне всё до последней капли, Анна. Каждую секунду той боли, которую я пережил по твоей вине.

Я резко потянул её за руку, заставляя подняться со стула, и прижал её спиной к холодной стене рядом с камином.

Шелковое платье взметнулось, обнажая её колени, а моё тело навалилось сверху, намертво фиксируя её между каменной кладкой и моим жестким, сгорающим от вожделения телом.

Ловушка захлопнулась, и пути назад больше не было.

Глава 7. Точка излома

Анна

Холод штукатурки прошил спину сквозь тонкую ткань платья, но я почти не почувствовала его — все мое существо сейчас было сосредоточено на тяжелой, обжигающей массе тела Марка, навалившейся сверху.

Он зажал меня между каменной кладкой камина и собственной грудью, намертво лишая возможности сделать полноценный вдох.

В кабинете пахло смолой, дорогим табаком и им — тем самым терпким, мускусным запахом чистой мужской кожи, который я безуспешно пыталась выжечь из своей памяти все эти годы.

Я открыла глаза, натываясь на его серый, потемневший взгляд исподлобья. Жизнь не пощадила его, она выковала из него бронированного, циничного хищника, и виной этому была я.

— Ну что, принцесса, — его голос, низкий, вибрирующий где-то у меня в груди, прозвучал как приговор. — Поиграем по твоим правилам? По правилам мира, где у всего есть цена?

Мои пальцы, до этого бессильно прижатые к его плечам, непроизвольно сжались, сминая дорогую ткань его черной рубашки. Под моими ладонями перекачивались жесткие, плотные жгуты мышц.

Тот прежний Марк был худым и жилистым, этот — казался огромным, подавляющим. Его крупная ладонь медленно переместилась с моей шеи выше, пальцы грубо запутались в волосах, безжалостно руша безупречную вечернюю укладку.

Шпильки с тихим стуком посыпались на паркет, тяжелые пряди упали на плечи, и я увидела, как в его зрачках вспыхнуло что-то первобытное и опасное.

— Ты пришла сюда ради него? — Марк наклонился еще ниже, его губы почти касались моих, но в этих словах не было ни капли нежности. Только выдержанная, скопившаяся за полтора десятилетия ярость. — Ради этого слизняка, который оставил тебя здесь, чтобы спасти свою шкуру?

— Нет, — выдохнула, и этот звук затерялся между нами. Щёки горели от яростного прилива крови, выдавая меня с головой.

Я не могла сказать ему правду. Не могла признаться, что пошла за Игорем только потому, что у меня не было сил сопротивляться, и потому, что внутри, в самом темном углу моей иссушенной души, жила безумная, эгоистичная надежда еще раз увидеть его. Хотя бы на расстоянии. Хотя бы ледяным, чужим и презирающим.

Марк не стал слушать. Его губы обрушились на мои — жестко, требовательно, с каким-то карающим, голодным отчаянием.

Это не было похоже на наши прежние юношеские поцелуи. В этом не было трепета. Его зубы больно прикусили мою нижнюю губу, заставляя меня тихо вскрикнуть, и в этот же миг его язык ворвался внутрь, забирая все мое дыхание, подчиняя себе мой рот так же властно, как он подчинял этот город.

Внизу живота отозвалось такой резкой, горячей волной, что у меня подкосились ноги. Если бы не его сильное тело, удерживающее меня у стены, я бы просто упала.

Пятнадцать лет онемения, пятнадцать лет серого, безвкусного существования в браке, который был лишь юридической сделкой, рассыпались от одного этого грубого прикосновения.

Мое тело, дремавшее в сытом коконе, просыпалось с такой ошеломляющей, болезненной скоростью, что мне захотелось закричать.

Его свободная рука скользила по моему бедру, бесцеремонно задирая подол изумрудного платья.

Жесткие пальцы Марка обжигали кожу сквозь тонкий капрон чулок. Он дышал тяжело, прерывисто, его грудь вздымалась, толкаясь в мою.

В каждом его движении сквозила эта страшная двойственность: он хотел наказать меня, хотел унижить за то давнее предательство, но его собственное тело выдавало его с головой — оно жаждало меня с той же неистовой, разрушительной силой.

Когда его ладонь накрыла мое бедро, сжимая его до легкой боли, я запрокинула голову, кусая губы, чтобы не застонать во весь голос. Из моих глаз вопреки воле покатались горячие слезы, оставляя влажные дорожки на лице.

Это было унижительно. Я ненавидела себя за эту слабость, за то, что от одного его жесткого прикосновения, от его тяжелого веса и злости у меня кружилась голова, а разум полностью отключался.

— Марк... — прошептала я в его приоткрытые губы, растворяясь в этом запретном, пропитанном обидой и страстью хаосе. — Пожалуйста...

Он на секунду замер, глядя на мои слезы своими потемневшими, почти черными от нахлынувшего вожделения глазами. На его жестком лице проступила едва заметная судорога, но взгляд остался непреклонным. В нем не было жалости. Только первобытное право сильного, который пришел забрать то, что принадлежит ему по праву.

Глава 8. Излом гордости

Марк

Вкус её слёз — солоноватый, горький, смешанный с помадой — осел на губах чистым ядом. Я вжимал Анну в холодный камень стены, кожей ощущая, как под моими пальцами дрожит её хрупкое, но до предела натянутое тело.

Она пыталась отвернуться, уйти от поцелуя, но я держал её мёртвой хваткой за затылок, запуская пальцы глубоко в тяжёлые тёмные пряди. Чертов жасмин. Этот запах преследовал меня в кошмарах, и сейчас, когда он заполнил мои лёгкие, внутри закипело что-то первобытное.

Она плакала. Тихо, судорожно, но её глаза... Господи, её глаза. В этих огромных карих зрачках, несмотря на влажный блеск, не было покорности. Там горело то самое породистое, выпестованное романовское достоинство, которое я когда-то так отчаянно пытался разглядеть в её отце.

Она понимала всё. Понимала, что я делаю. Понимала, что этот кабинет, этот внезапно выставленный за дверь муж и этот грубый натиск — всего лишь моя попытка растоптать её светский лоск, потешить своё эго и отыграться за пятнадцать лет личного ада.

И эта её ясная, холодная осознанность бесила меня сильнее всего. Мне хотелось сломать именно её гордость, а не просто взять тело.

— Хватит строить из себя жертву, Аня, — процедил я ей в самые губы, на секунду отстраняясь, чтобы увидеть, как её бледные щёки заливают краска — не от стыда, а от глухого, сдерживаемого сопротивления. — Твой муж сдал тебя мне за паршивый контракт на терминал. Так не делай вид, что тебе безразличны мои руки. Вы оба пришли ко мне за деньгами.

— Я пришла, потому что у меня не было выбора, Марк, — её голос прозвучал на удивление тихо и ровно, хотя дыхание оставалось рваным.

Она смотрела на меня прямо, не пытаясь спрятать лицо, и в этом взгляде замужней, умудрённой горьким опытом женщины было слишком много силы.

— И если тебе нужно это... чтобы почувствовать себя победителем — бери. Но не думай, что сможешь купить моё уважение. Или мою память.

Слова ударили под дых. Эта девчонка, превратившаяся в холодную светскую даму, умудрялась защищаться даже тогда, когда её запястья были зажаты в моих ладонях.

Её тело предательски отзывалось на мою близость — я чувствовал, как бешено колотится её пульс под моими пальцами, как прерывисто вздымается грудь, — но её разум оставался неприступной крепостью. Она не собиралась умолять. Она собиралась выстоять.

Это осознание окончательно выбило из меня остатки хвалёного самоконтроля. Я перехватил обе её руки одной ладонью, вздернул их вверх и зафиксировал над головой, наваливаясь всем весом, чтобы лишить её малейшего пространства для маневра.

Свободной рукой я рванул замок на спине её изумрудного платья. Ткань с сухим, зловещим треском разошлась, обнажая прохладную кожу. Анна вздрогнула, на секунду зажмурилась, и из её груди вырвался глухой, задушенный вздох, но она тут же снова открыла глаза, продолжая смотреть на меня с тем самым мертвенным, пугающим достоинством.

В этой близости не было романтики. Это был жёсткий, изнурительный поединок двух упрямых, искалеченных прошлым людей. Я бесцеремонно задрал подол её платья, пробираясь ладонью сквозь шёлк к её бедрам.

Мои пальцы обжигали её кожу, и я видел, как Анна закусил губу до крови, сдерживая рвущийся наружу стон. Она не была покорной шлюхой, как я пытался её назвать; она была женщиной, которая принимала свой крест, но отказывалась ползать на коленях.

Я расстегнул ремень, рванул ткань её белья в сторону и вошел в неё одним сильным, резким толчком.

Анна резко выгнулась в моих руках, её пальцы судорожно впились в мою ладонь, удерживающую её запястья. Ногти резали кожу, но мне было плевать. Мир сузился до размеров этого темного угла у камина.

Она была узкой, горячей, её природа плавилась под моим напором вопреки всей её ментальной броне, и это физическое предательство её собственного тела заставляло её плакать ещё сильнее.

Я двигался жёстко, ритмично, вбивая её спиной в стену, выжигая фрикциями последние остатки её светского безразличия.

Я хотел услышать от неё хоть одно слово. Признание. Просьбу. Но Анна молчала, лишь хрипло, прерывисто дышала мне в плечо и изредка издавала задушенные, болезненные звуки, в которых страсть смешивалась с чистым изломом. Её гордость трещала по швам, но не сдавалась до самого конца.

Когда финал обрушился на меня тяжелой, темной волной, я рванулся вперед в последний раз, изливаясь внутрь неё с глухим, хриплым рыком.

Я прижался лбом к её мокрому от пота плечу, тяжело, со свистом переводя дыхание. Ловушка захлопнулась. Я забрал свой долг, я растоптал её безупречный вечер, но, медленно отстраняясь и глядя, как она обессилено прислонилась к стене, пытаюсь дрожащими руками поправить разорванное платье, я понимал: её душа осталась для меня недосягаемой. И это сводило меня с ума.

Глава 9. Осколки

Анна

Тишина, рухнувшая на кабинет после того, как Марк отстранился, показалась мне оглушительной. Она была тяжелой, ватной, нарушаемой лишь его неровным, свистящим дыханием и тихим треском догорающих в камине поленьев.

Я осталась стоять у стены, чувствуя, как по спине между лопатками медленно сползает капля пота. Ноги были ватными, они едва удерживали мой вес, но я мертвой хваткой вцепилась пальцами в холодную каменную кладку за спиной, чтобы не позволить себе осесть на паркет. Только не перед ним.

Марк отошел на два шага назад. Медленно, с каким-то подчеркнутым, ленивым спокойствием он застегнул ремень брюк, даже не взглянув на меня. На его жестком, резко очерченном лице не осталось и следа той безумной, темной страсти, которая минуту назад сжигала нас обоих у этой стены.

Снова маска. Холодный, недостижимый Самойлов, хозяин положения, который просто взял то, что посчитал своим по праву сильного.

Я сделала глубокий вдох, и воздух обжёг легкие, пахнувший им и гарью. Дрожащими, непослушными пальцами я потянула вниз подол платья, пытаюсь прикрыть обнаженные бедра. Ткань на спине была безнадежно разорвана, молния выдрана с мясом, и этот сквозняк на холодной коже казался мне клеймом позора.

— Застегни, — Марк бросил этот короткий приказ через плечо, подходя к столу и поднимая свой стакан с виски. Он сделал глоток, по-прежнему не поворачиваясь ко мне лицом.

— Молния сломана, Марк, — мой голос прозвучал удивительно тихо, сухо и ровно. В нем не было слез, не было упрека. Я сама удивилась этой мертвенной стабильности внутри себя.

Пятнадцать лет назад после его прикосновений я бы смеялась или прятала лицо у него на груди. Сегодня я просто стояла в чужом загородном клубе, прижимая разорванный шелк к телу, пока внизу, в баре, мой законный муж пил дорогой алкоголь в ожидании, пока его жену вернут после «юридических переговоров».

Издевка судьбы была настолько изящной, что мне захотелось усмехнуться, но губы, разбитые его зубами, отозвались тупой, пульсирующей болью.

Марк медленно повернулся. Его серые глаза, подернутые грозовой дымкой, скользнули по моей фигуре — от растрепанных темных волос до зажатого в кулаках изумрудного шелка. В его взгляде не было жалости, но я успела заметить, как на секунду дернулась его тяжелая челюсть. Он подошел к вешалке у двери, снял свой тяжелый пиджак и швырнул его на диван рядом со мной.

— Надень. Твой благодетель ждет внизу. Не стоит пугать его раньше времени.

Я сделала шаг вперед от стены, преодолевая слабость в коленях, взяла его пиджак. Он был огромным, тяжелым, пахнувшим его парфюмом и табаком.

Я накинула его на плечи, укутываясь в эту чужую, враждебную ткань как в кокон, который хоть как-то скрывал мое разрушение. Мужские полы доходили мне почти до колен, надежно пряча разорванное платье.

— Бумаги, — я посмотрела на стол, где сиротливо лежала папка Игоря. — Ты подпишешь их?

Марк подошел к столу, оперся о него ладонями и наклонился вперед, заставляя меня снова смотреть на него снизу вверх. На его губах появилась та самая ядовитая, страшная усмешка, которую я увидела на приеме.

— Ты думаешь, Анна, что твои слезы и этот трагический вид стоят тех миллионов, которые твой муж хочет выкачать из моего терминала? — его голос упал до вкрадчивого, опасного шепота. — Передай Соболеву, что аудит заморожен на две недели. Спецификации я подпишу. Первую часть. Но у меня есть условие. Одно маленькое, неформальное условие.

Я замерла, не сводя с него глаз. Под тканью его пиджака мое сердце снова начало свой неровный, панический бег.

— Какое?

— Раз в три дня ты будешь приезжать сюда, — Марк выпрямился, убирая руки в карманы брюк и глядя на меня с ледяным превосходством хозяина жизни. — Сама. Без мужа. Будешь сидеть в этом кресле, пить чай и слушать, что я тебе говорю. Я хочу видеть, как ты живешь, Анечка. Хочу наблюдать, как твоя безупречная, сытая жизнь превращается в труху. И если ты пропустишь хоть одну встречу... строительный терминал твоего Игоря взлетит на воздух на следующий же день. Вместе со всеми его банковскими гарантиями.

Слова падали как тяжелые комья земли на крышку гроба. Он не хотел меня в качестве постоянной любовницы, это было бы слишком просто. Ему нужна была регулярная, дозированная психологическая пытка. Он хотел держать меня на поводке, заставляя приезжать на место своего унижения по первому свистку.

— Он согласится, — тихо сказала я, глядя мимо него на камин. — Если ты пообещаешь ему контракт, Игорь сам будет привозить меня к твоим воротам.

— Я знаю, — равнодушно бросил Марк, отворачиваясь к окну. — Пошла вон, Анна. На сегодня переговоры окончены.

Я повернулась и пошла к двери. Моя рука дрожала, когда я бралась за массивную ручку, но я заставила себя выпрямить спину.

Из этого кабинета я выходила под прикрытием его тяжелого пиджака, неся в себе осколки своей разбитой гордости и понимая, что отныне я принадлежу ему гораздо сильнее, чем пятнадцать лет назад.

Глава 10. Цена компромисса

Анна

Всю дорогу до дома мы молчали. В салоне машины стояла тяжелая, удушливая духота, сквозь которую не мог пробиться даже кондиционер.

Игорь бешено крутил руль, его профиль в полумраке казался окаменевшим, а пальцы то и дело с силой сжимали кожаную оплетку.

Я сидела, поплотнее кутаясь в огромный, пахнущий чужим табаком и горьким мускусом пиджак Марка, и смотрела в окно. У меня не было сил плакать, не было сил даже думать. Внутри меня выросла огромная, глухая стена.

Разговор начался только тогда, когда за нами закрылась тяжелая дубовая дверь нашей гостиной. Игорь швырнул ключи на мраморную консоль с таким грохотом, что они отскочили на пол. Он резко повернулся ко мне, срывая на ходу галстук-бабочку.

— Ну? — выплюнул он, его лицо шло красными пятнами от едва сдерживаемой ярости. — Я ждал в баре полтора часа, Анна. Полтора часа! Пока этот выскочка держал тебя у себя. Что он сказал? Что с контрактом на логистический терминал?

Я медленно сняла с плеч пиджак Марка и аккуратно положила его на спинку кресла. Мое платье с разорванной на спине молнией едва держалось, но я заставила себя выпрямить спину. В моих движениях не было суеты. Только абсолютная, ледяная пустота.

— Аудит заморожен на две недели, — спокойно и ровно ответила я, глядя мужу прямо в глаза. — Первую часть спецификаций Марк подпишет, но у него есть условие.

Игорь сделал шаг ко мне, его ноздри раздувались, а в глазах горел тот самый примитивный, уязвленный эгоизм хищника, чью собственность посмели тронуть чужие руки.

В нем не было любви ко мне — я знала это все пятнадцать лет нашего брака. Но в нем жил дикий, уродливый собственнический инстинкт. Его бесило, что его «игрушку», его дорогую инвестицию посмел использовать кто-то другой.

— Какое условие? Говори!

— Я должна буду приезжать в его загородный клуб раз в три дня. Одна, — так же ровно, без единой лишней эмоции произнесла я. — Он хочет, чтобы я сидела там и слушала то, что он говорит. Если я пропущу хоть одну встречу, он обнулит твои банковские гарантии, а твой терминал пойдет с молотка за долги.

На секунду в комнате повисла оглушительная тишина. Лицо Игоря вытянулось, а затем исказилось в чудовищной, брезгливой гримасе. Он схватился за голову, заметался по просторной гостиной, пиная подвернувшийся под ноги пухлик.

— Тварь... Какая же он тварь! — орал Игорь, и его голос срывался на визг. — Ковырялся в мазуте, грязный автомеханик, который едва нашкребал себе на грошовый ужин, когда я уже ворочал миллионами! У меня безупречная родословная, мои предки строили этот город, а этот нищий ублюдок теперь ставит мне условия? Мне?! Используя мою бабу?!

Он внезапно подскочил ко мне, хватая за плечи и с силой встряхивая. Его пальцы больно впились в мою кожу, но я даже не поморщилась.

— И ты согласна? Ты поедешь к нему?! Ты понимаешь, кем ты станешь после этого?

— Я никуда не поеду, Игорь, — я мягко, но решительно убрала его руки со своих плеч и отступила на шаг. — Я больше не намеренна участвовать во всем этом. Мой лимит исчерпан. За сегодняшний вечер я сделала для твоего бизнеса непомерно много. Спасай свою шкуру сам. Мне плевать на твои кредиты и твой терминал.

Мои слова подействовали на него как ушат ледяной воды. Его ярость наткнулась на мое абсолютное равнодушие, и это испугало его сильнее всего. Игорь понял, что теряет контроль. Его бизнес, его статус, его сытая, выверенная жизнь висели на волоске, который сейчас держала в руках я.

Он мгновенно изменился в лице. Красота его холеного лица поплыла, уступая место мелкой, трусливой злобе. Он сделал шаг назад, оценивающе оглядывая меня — растрепанную, с разбитой губой, в испорченном дорогом платье. И на его губах появилась подлая, ядовитая усмешка.

— Не намерена? — тихо, с шипением переспросил он, делая ударение на каждом слове. — А у тебя есть выбор, Анна? Ты забыла, на чьи деньги ты живешь последние пятнадцать лет? Кто оплачивал твои счета, твои платья, твою оранжерею, пока твой папочка медленно загибался в больнице? Ты думаешь, ты сможешь уйти и остаться чистенькой?

Он подошел ближе, наклоняясь к самому моему уху, и его дыхание, пахнущее алкоголем, обожгло мне кожу.

— Ты поедешь к нему, Аня. Как миленькая поедешь. Потому что если мой бизнес рухнет, я заберу у тебя всё. У тебя не останется даже имени. Да и к чему теперь строить из себя оскорбленную невинность? Ты уже опустилась ниже некуда. Ты сегодня раздвинула ноги перед этим плебеем Самойловым. Ты шлюха, Анна. И раз уж ты всё равно ею стала, отработай свой долг перед моей семьей до конца.

Он резко повернулся и пошел вверх по лестнице, бросив на ходу:

— В установленный срок водитель отвезет тебя. И не дай бог тебе опоздать.

Дверь его спальни наверху захлопнулась. Я осталась стоять посреди пустой гостиной. Взгляд упал на тяжелый черный пиджак Марка, оставшийся на кресле.

Ловушка закрылась окончательно. Меня предали дважды — сначала мужчина, за которого я вышла замуж, а теперь мужчина, которого я когда-то спасла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.